

Этот обгоревший по краям обрывок кожи – единственная вещь, оставленная себе от прежней жизни молодой монахиней «Ордена милосердия» Матери Терезы.

Надежда КАЛАШНИКОВА

Жалоба волков

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве – слепые щенки,
Мы, волчата, – сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!
В. Высоцкий. «Охота на волков»

Она большая, мохнатая, затравленная. Мы пьём её молоко – и чувствуем, как в нас вливается страх. Бессознательный, безотчётный. Безосновательный, быть может. Но нам не дано это понять. Страх проник в нашу кровь и лимфу, стал плотью, стал частью нас, стал нами. Его нельзя из нас вырвать, убрать – потому что тогда мы умрём. Мы привыкли к нему, срослись с ним, мы не можем без него.

Запрет для нас – это святое. Кто его нарушает – святотатец. Нельзя – и всё. Нам этого достаточно. Почему, кто придумал, разумно ли, честно ли, нужно ли – такие мысли не приходят нам в головы. Они просто не могут прийти. Исключено. Если страх – наш бог, то запрет – его наместник на земле. Наш кумир. Мы поклоняемся ему, пляшем вокруг с криком и воплями, как некогда язычники, и приносим ему жертвы: себя, свои возможности, детей, любовь, счастье... Жизнь наша остаётся у нас, наша серая тухлая жизнь. Жизнёнка. Зачем нас убивать? Ведь тогда неоткуда будет взять рабов...

Прошло то время, когда на нас устраивали облавы, и егеря смеялись, глядя, как тяжело ходят бока у загнанного зверя, а собачий лай терзал окрестности на много миль вокруг. Теперь иная тактика. Флажки уже не красные, а синие. Но что с того? Всё равно флажки. Ими огородили часть леса, и мы там живём. А охотники превратились в типичных надзирателей. Им так тоже удобнее. Не надо тратить нервы и силы на утомительную и не всегда удачную охоту. В любое время можно прийти и отобрать нужное количество дичи. Спокойно, легко и просто. И мы уступаем – без боя, без малейшего взрыкивания. Мы признали над собой хозяев.

Мы рабы. Нас так не называют, это грубо звучит. Но кой-какие мозги у нас всё же имеются, чтобы понимать это. С раба нет спроса. За всё в ответе хозяин. Он же, кстати, обеспечивает пусть мелкий и паршивый, но стабильный паёк. И в нас притупляются инстинкты,

глохнет чутьё, дряхлеют мышцы, слабеют глаза... Зачем нам всё это? Зачем, если можно – на халяву?

Мы вырождаемся. Это заметно по нашим детям. Они слабенькие, чахлые, как былиночки. Они третье, четвертое... мы сбились со счёту какое поколение, с рождения вбирающее в себя нехитрую рабскую премудрость. С молоком матери её всасывающее. Это уже не волчата, а ягнята: их гонят на бойню, они боятся, упираются, отчаянно мекают, но тупо идут куда велено... Наши разве что не мекают. Но это дело недалёкого будущего. Объявится в биологии новый вид – волк-баран блеющий...

Смешно? Если бы. Мы разучились смеяться. И скалиться тоже. Мы вообще отвыкли клыки обнажать, кроме как чтоб вонзить их в перезрелое мясо, от щедрот хозяйских перепадающее. Мы себя не узнаём... Да нам не с чем сравнивать – мы забыли, что было с нами раньше. У нас атрофировалась память за ненадобностью. Зачем память рабам?

Лишь иногда мелькнут обрывки смутных то ли воспоминаний, то ли (чур меня!) фантазий... Но они мигом улетучиваются, не находя применения, не встречая опоры. Они не нужны нам. Мы стали существами иного порядка. И нам его не изменить. Это выше наших сил. Хуже – наших желаний. Мы не хотим ничего менять. Нам хорошо здесь – в страхе, в мерзких условиях, на маленьком огороженном пятачке. Нам хорошо. Мы не хотим менять хоть что-нибудь.

Анастасия РУССКИХ

Случай с феей

Одна фея летела куда-то по своим делам (а может, просто так прогуливалась), увидела играющих детей, умилилась и, опустившись на землю, сказала:

– Милые крошки! Вы так мне понравились, что я решила исполнить вам по одному желанию.

Надо сказать, это свойственно феям – умиляться детьми, потому что у них не бывает собственных.

Дети стали наперебой просить – кто нарядное платьице, кто куклу, кто игрушечное оружие, кто большущий сладкий пряник. Одна девочка попросила, чтобы у неё исчезло некрасивое родимое пятно с личика, а один мальчик – чтобы его родители разбогатели. Это был очень умный мальчик: он понимал, что сам пока разбогатеть не может.

И пока сыпались эти просьбы, хорошенькая толстенькая девочка в пепельно-сером платье стояла в сторонке, надувала щёчки и думала. Фея заметила это и спросила:

– А ты почему же молчишь?

Тогда девочка подошла поближе и сказала остальным детям: